

Очерки горной Бухары.

Въ верховьяхъ рѣки Кафернигана.

(Продолженіе) ¹⁾.

Глава I.

Рѣка Раумить-Дарья.—Разсказъ о Ша-Мурадѣ.—Силь.

При первой возможности въ самомъ концѣ лѣта я рѣшилъ закончить свою поѣздку по рѣкѣ Кафернигану, заглянувъ въ глухой, мало-къмъ посѣщенный, бассейнъ рѣки Раумить-Дарья, которую считалъ за начало Каферниганъ-Дарьи.

Беря свое начало въ ледникахъ Гиссарскаго хребта, Раумить-Дарья образуется изъ двухъ притоковъ: Сарда-и-Мюна и Сорбо, которые въ свою очередь принимаютъ въ себя цѣлый рядъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ, спадающихъ съ окрестныхъ горъ.

Весь этотъ край, входящій въ составъ Гиссарскаго бекства, крайне дикъ по природѣ, но заселенъ довольно значительно горцами-таджиками.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 1.

— Зачѣмъ полковникъ туда ѣхать хочетъ? удивлялся амлякдаръ изъ Кафернигана. когда я, пріѣхавъ въ этотъ городъ, просилъ назначить мнѣ одного нукера проводникомъ. — Нехорошія мѣста и дурной народъ тамъ живетъ, пробоваль онъ отговорить меня отъ поѣздки. — Дороги тамъ по горамъ опасны. Все въ рукахъ Аллаха, а всетаки не нужно самому испытывать судьбу. Если пошлютъ, тогда другое дѣло, а тюра по своей охотѣ хочетъ подвергать себя опасности въ пути. А если что случится, и я буду вшивать—съ меня взыщеть Кушъ-беги. Лучше пусть не ѣздитъ полковникъ....

Но я, потративъ цѣлый день на распросы бывавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ каферниганцевъ изъ служащихъ при амлякдарѣ и казіи, выбралъ себѣ повидимому отлично знающаго край старика-нукера Измаиль-Ша-чарагасы ²⁾, родомъ изъ Раумита, и утромъ выѣхаль изъ г. Кафернигана по лѣвому берегу Раумитъ-Дары.

День былъ солнечный, яркій, и лучи свѣта и тепла цѣлыми потоками падали на окрестныя горы, поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ и закрывавшія горизонтъ.

Поднявшись на небольшой переваль, внизу мы послѣдній разъ увидѣли Каферниганъ, закрытый огромною растительностью своихъ садовъ.

— Измаиль-Ша—житель здѣшнихъ мѣсть? спросилъ я нукера, чтобы начать съ нимъ разговоръ.

— Да, тюра, мои родичи живутъ недалеко отъ Раумита, въ небольшомъ горномъ кишлакѣ, а когда я выучился въ мактабѣ ³⁾ и выросъ — такъ началъ служить при начальныхъ людяхъ. Долго былъ у каферниганскаго казія, ходилъ за его лошадьми, а потомъ ѣздилъ съ нимъ по кишлакамъ и исполнялъ его порученія. Увидѣлъ меня однажды гиссарскій бекъ и взялъ къ себѣ. У него я получилъ чинъ, а потомъ былъ назначенъ нукеромъ къ каферниганскому амлякдару.

— Хорошо живется тепѣрь? задалъ я новый вопросъ.

— Жить можно, тюра, вездѣ, довольствуясь малымъ. Но только кто же довольствуется тѣмъ, что имѣеть? Начиная съ самаго эмира и до послѣдняго кишлакъ-адама ⁴⁾, каждый хочетъ имѣть больше, чѣмъ ему по шаріату ⁵⁾ положено.

2) Чарагасы — фельдфебель.

3) Мактабъ — низшая школа.

4) Кишлакъ-адамъ — поселянинъ.

5) Шаріатъ — законъ.

— Но развѣ эмиру что-нибудь точно положено, чтобы вести свои расходы? удивился я, услышавъ едва ли не первый разъ отъ одного изъ подданныхъ Бухары-Благородной о существованіи какой-то нормы, ограничивающей бюджетъ главы этого государства.

— Да, тюра, положено. Я служилъ у казія—это былъ очень ученый человѣкъ и все онъ зналъ, что касается шаріата. Онъ мнѣ много разъ говорилъ, что эмиру полагается три тенгги въ день жалованія, а все остальное, собираемое имъ отъ людей сверхъ этого—неправильно, и онъ отвѣтитъ за это передъ Аллахомъ, такъ какъ обижаетъ людей. Но только не одинъ, а всѣ эмиры будутъ отвѣчать за этотъ грѣхъ.

Въ книгахъ написано, что только одинъ бухарскій эмиръ Ша-Мурадъ, да прославится его имя во вѣки, довольствовался получениемъ отъ казны трехъ тенггъ въ день, которыя ему полагаются по шаріату. Но это былъ особенный эмиръ, онъ старался быть похожимъ на халифа Омара-эль-Хатаба и также какъ и тотъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе своимъ трудомъ, обрабатывая землю и наблюдая за своими виноградниками. И жилъ онъ, какъ простой человѣкъ, ничѣмъ отъ другихъ не отличаясь. Но такихъ уже больше не было въ Бухарѣ.

Знаешь ли, тюра, одинъ разъ пришло такое время, что эмиръ Ша-Мурадъ не имѣлъ совсѣмъ денегъ, а они ему очень нужны были. Тогда онъ послалъ свой мѣховой халатъ продать на базарѣ, и чтобы ты думалъ: за эмирскій халатъ никто больше двухъ тенггъ не далъ, такъ какъ онъ былъ весь вытертый, старый!

Восторженное обожаніе этого рѣдкаго правителя слышалось въ голосѣ таджика.

Изъ прочитаннаго о мусульманствѣ невольно съ особою ясностью мнѣ вспомнились основанія государственнаго строя въ мусульманскихъ странахъ по шаріату въ началѣ ихъ образованія.

Съ ортодоксальной мусульманской точки зрѣнія, мусульманское теократическое государство—есть община вѣрующихъ, гражданскій представитель которой султанъ, эмиръ (правитель), является не болѣе, какъ шахвиль-даромъ (т.-е. довѣренный-приказчикъ общины), который обязанъ пещись на почвѣ строгаго исполненія шаріата о гражданскихъ и религіозныхъ дѣлахъ довѣренной ему Аллахомъ общины, получая за это наравнѣ со всѣми амилями-сборщиками зякета, вознагражденіе по три тенгги въ день ⁶⁾.

Постепенно это основное положеніе стало забываться, мусуль-

⁶⁾ В. П. Наливкинъ. «Туземцы прежде и теперь».

манекіе правители, присваивая себѣ все большую и большую власть, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушали и правила о зякетѣ, увеличивая размѣръ податей и беря уже изъ него произвольныя суммы на свое содержаніе. а затѣмъ и превративъ всѣ поступленія въ казну въ свою личную собственность, а подати въ личный доходъ.

Немудрено поэтому, что эмиры такъ мало популярны среди своихъ подданныхъ, давно уже относящихся къ нимъ или съ полнымъ безразличіемъ, или же со скрытою ненавистью.

Рѣка Раумить-Дарья во многомъ напоминала собою Варзобъ-Дарью, въ особенности же своими огромными скалистыми ущельями, поднимавшимися мѣстами по обѣимъ сторонамъ. Масса воды скатывалась съ глухимъ шумомъ и всплесками черезъ камни, образовавшіе мѣстами цѣлую систему пороговъ. Разбрасывая брызги, стремительно неслась широкая, многоводная рѣка по каменистому руслу, увлекая съ собою огромные валуны, скатывавшіеся внизъ по теченію съ самыхъ верховьевъ. Заросли различныхъ кустарниковъ красивою каймою обрамляли трещины глубокихъ ущелій, образуя мѣстами цѣлые сады, устроенные самою природою.

За первую грядою скалъ поднимались еще выше темныя горы, имѣвшія вполне альпійскій характеръ.

Дивной красоты горныя ландшафты открывались передъ нашими глазами, но въ тоже время вокругъ было полное безлюдье, и лишь кое-гдѣ, прилѣпившись наверху, виднѣлись небольшіе кишлаки горныхъ таджиковъ, занимающихся разведеніемъ козъ и барановъ и земледѣліемъ на горныхъ склонахъ, производя засѣвы пшеницы, чечевицы, ячменя, а въ нѣкоторыхъ особенно высокихъ мѣстахъ и ржи.

Поднимаясь по узкимъ тропкамъ, проложеннымъ надъ странными обрывами, мы видѣли кое-гдѣ стада козъ, пасшихся подъ наблюденіемъ пастуха-таджика, обыкновенно сидѣвшаго надъ какой-нибудь пропастью и созерцавшаго красоты природы. Будто огромная птица казалась издали эта одиноко сидящая человѣческая фигура, одѣтая въ темнаго цвѣта халатъ и тюбетейку на головѣ, совершенно равнодушно относясь къ страшной высотѣ, разстилавшейся подъ ней, къ которой она привыкла за свою жизнь.

Строгіе внимательныя глаза изъ подъ темныхъ бровей бросали на насъ пытливыя взгляды, выказывая вниманіе къ рѣдкимъ путникамъ, появившимся въ этихъ мѣстахъ.

— Доудъ изъ Коткуля или—Асиль изъ Руамита, говорилъ самъ себѣ нашъ проводникъ, проѣзжая мимо.

— Развѣ Измаилъ всѣхъ знаетъ? удивился я его дальнорзости.

— Знаю, тюра: всѣ родились и выросли на моихъ глазахъ. Да и здѣсь въ горахъ я всѣхъ хорошо знаю. Если спросить стариковъ, такъ они всѣ между собою въ родствѣ, какъ вѣтви одного дерева, имѣющаго одинъ общій корень, его питающій. Надо только хорошіе глаза, и сразу можно сказать по виду, кто изъ какого кишлака, такъ какъ въ сынѣ и внукѣ легко видѣть отца и дѣда.

Въ Коткулѣ мы сдѣлали лишь небольшую остановку, чтобы дать лошадямъ передохнуть, а самимъ выпить холоднаго айрана.

Освѣжившись и осмотрѣвъ, что называется, однимъ взглядомъ весь небольшой кишлакъ, я направился къ мечети, которая поднималась выше всѣхъ остальныхъ построекъ кишлака.

Нѣсколько человекъ таджиковъ занимались молотьбою. Пара небольшихъ быковъ, связанныхъ вмѣстѣ, съ наложеннымъ на шею ярмомъ, вертѣлась, описывая кругъ, на небольшомъ пространствѣ тока-хирмана, на которомъ лежали толстымъ слоемъ золотистые снопы пшеницы. Кружась все время и разминая ногами солому, волю въ тоже время выбиваютъ зерно изъ колосьевъ. Измельченная въ труху солома, называемая саманомъ, потомъ перевѣвается, но разумѣется, при такомъ примитивномъ способѣ молотьбы, масса зерна остается въ колосьяхъ и попадаетъ въ саманъ, уходя затѣмъ на кормъ скоту и на постройки.

Развѣсистые туты привольно разрослись около кишлака, давая въ лѣтній зной тѣнь и въ тоже время доставляя населенію въ большомъ количествѣ пищевой продуктъ, ягоды тута. Съѣдая массу ягодъ сырыми прямо съ дерева, таджики горныхъ долинъ высушиваютъ огромное количество ихъ на солнцѣ, продавая немного скупщикамъ; большая часть идетъ зимою въ пищу. Перемалывая сушеный тутъ въ муку и подмѣшивая въ нее пшеничную, изъ этой смѣси (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ чистомъ видѣ) пекутъ лепешки.

Крайне стойкое ко всѣмъ климатическимъ перемѣнамъ дерево тута или шелковица даетъ огромные урожаи, причемъ по сортамъ раздѣляется на бѣлый и черный. Приторно сладкія ягоды вполне удовлетворяютъ привычный неприхотливый вкусъ туземца, но съ нашей точки зрѣнія ихъ признать особенно вкусными нельзя.

Дерево достигаетъ значительныхъ размѣровъ, но, отличаясь твердостью и красивымъ желтымъ цвѣтомъ, идетъ лишь на дрова.

Рѣка Раумить-Дарья, благодаря обильнымъ дождямъ, прошедшимъ въ горахъ, вздулась, и массы воды съ глухимъ шумомъ неслись съ большою быстротою внизъ, образуя водовороты и мѣстами набрасывая цѣлыя горы камней.

Горные хребты то придвигались почти къ самому руслу рѣки, то, расширяясь, образовывали небольшія долины, поросшія кустарниками. Валыны всѣхъ цвѣтовъ лежали по берегамъ, поражая иногда своими причудливыми очертаніями. Таджики, находя камни особой формы, собираютъ ихъ и относятъ на могилы своихъ близкихъ.

Дорога, въ видѣ нѣсколькихъ узкихъ тропъ, проходитъ по склону горъ, перебрасываясь черезъ перевалы и мѣстами представляя собою цѣлый лабиринтъ тропинокъ, скрещивавшихся и уходившихъ въ стороны.

Ясное, совершенно безоблачное небо виднѣлось надъ нами, образуя какъ будто крышу блѣдно-голубого цвѣта. Но совершенно внезапно затемнѣло, и край темной грозовой тучи выползъ изъ-за горнаго хребта, а черезъ какую-нибудь минуту закрылъ все ущелье, образовавъ какъ будто плотную по виду крышу. Крупныя капли дождя застучали по камнямъ.

Соскочивъ съ лошадей и воспользовавшись нависшею скалою, мы стали подъ ея защиту.

Страшный раскатъ грома, зарокотавшій прямо надъ нами, казалось, заставилъ задрожать всѣ горы, а зигзагъ молніи, прорѣзавшій темноту, освѣтилъ всѣ уголки ущелья зеленовато-бѣлыми, нестерпимо яркими цвѣтами, заставившими и людей и лошадей пугливо прижаться другъ къ другу. Раскаты грома слѣдовали одинъ за другимъ, создавая иллюзію пушечныхъ выстрѣловъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и моментально со всѣхъ горъ понеслись потоки мутной воды, увлекая за собою землю и камни. Молніи сверкали, переплетаясь на небѣ, ослѣпляя совершенно. Казалось, за этими страшными раскатами, повторявшимися эхомъ по нѣсколько разъ въ ближайшихъ и отдаленныхъ горахъ, всѣ окрестныя горы рушатся и засыпать ту узкую щель, въ которой мы пріютились.

Шумъ дождя и рокотъ падавшей съ горъ воды, вмѣстѣ съ раскатами грома, создавали впечатлѣніе какого то хаоса, и среди этой величественно-страшной картины какъ то невольно чувствовалась слабость человѣка передъ природою.

Вода между тѣмъ вездѣ прибывала и, вмѣсто небольшихъ ручьевъ, съ горъ уже неслись цѣлыя рѣки, уносившія съ собою массу камней. Оглушительный шумъ падавшей съ высоты воды все увеличивался, переходя въ какой то ревъ. Внизу, подъ нашими ногами, бурлила Раумитъ-Дарья, вся покрывшаяся пѣною. Прямой дождь, падавшій на защищавшую насъ скалу, не трогалъ насъ, и лишь лошади, сжавшись и опустивъ головы, стояли подъ потоками воды, спадавшими съ этой крыши на ихъ крупы.

Постепенно туча прошла дальше, дождь сталъ меньше и черезъ нѣсколько минутъ сквозь облака снова показался голубой сводъ неба, а затѣмъ, прорѣзавъ часть тучи, полились яркіе солнечные лучи, весело заблестѣвъ по осклизлымъ мокрымъ камнямъ и сверкая въ капляхъ воды, создававшихъ впечатлѣніе, что по берегамъ рѣки разсыяны массы драгоценныхъ камней. Примолкшія въ кустарникахъ птицы весело защебетали, отряхиваясь и охорашивая свои намокшія перья на солнцѣ.

Но шумъ падавшей воды еще больше увеличился. Рѣка залила всѣ острова и мели, и быстрота теченія увеличилась почти въ два раза.

— Придется здѣсь намъ долго ждать, пока не сойдетъ вода съ горъ, нарушилъ молчаніе Измаиль-Ша.

— Развѣ не лучше добраться скорѣе до Раумита и тамъ устроиться пораньше на ночлегъ? запротестовалъ я.

— Нѣтъ, гюра, въ такой «силь»⁷⁾ ѣхать нехорошо. Вода, даже въ маленькомъ ручейкѣ стоитъ очень высоко и переѣхать его нельзя. Можетъ лошадь опрокинуть, а человекъ утонетъ. Вода очень сердита и много силы имѣетъ; бороться съ нею очень трудно. Захватить, закружить и разобьетъ о камни.

У насъ здѣсь часто такой «силь» бываетъ послѣ дождя, и бѣда, если какой человекъ или стадо будутъ захвачены въ узкой щели, откуда нельзя подняться наверхъ. Волна воды, появляясь внезапно, сразу опрокидываетъ, а потомъ уноситъ съ собою.

Однажды, я помню, давно это было, цѣлое стадо овецъ и козъ такимъ образомъ погибло, и мы даже ни одного трупа не нашли— все ушло внизъ въ широкій Каферниганъ. А старый Сафаръ успѣлъ взобраться на камень, который въ боку ущелья поднимался. Видно еще не пришелъ его часъ!

Переѣхавъ цѣлый рядъ узкихъ и высокихъ мостовъ, я уже по-

7) Силь—потоки съ горъ отъ дождя.

рядочно усталъ, но все же прислушивался къ говорившему безъ умолку Пзмаилу.

— Здѣсь есть мосты и можно переѣхать черезъ рѣки, но, тюра, въ нашей сторонѣ хорошихъ мостовъ нѣтъ и всѣ они для тѣхъ, кто къ нимъ не привыкъ, такіе же длинные, какъ Пуль-и-Сарать для правовѣрныхъ.

— Какъ ты назвалъ мостъ—Пуль-и-Сарать, что это такое?

— Пуль-и-Сарать, тюра? Неужели ты не знаешь—вѣдь это каждый бача знаетъ! Когда правовѣрный умираетъ, то онъ идетъ въ рай къ пророку. Но только дорога туда страшно трудная, такъ какъ земля съ нимъ соединена мостомъ, который носитъ названіе Пуль-и-Сарать. Мостъ этотъ ужасно длинный и надо идти десять тысячъ лѣтъ, пока не дойдешь до райскихъ воротъ, охраняемыхъ и день и ночь, чтобы неимѣющій разрѣшенія не прошелъ въ это святое мѣсто, куда можно взойти лишь по заслугамъ.

Но зато мнѣ одинъ ишанъ говорилъ, что пока пройдешь по мосту, такъ за десять тысячъ лѣтъ все земное успѣешь забыть и сдѣлаешься и добродѣтельнымъ, если имѣешь одни обыкновенные людскіе грѣхи. Для большихъ же другое дѣло...

Д. Логофетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

